

Выводы. Анализ организации повествования в первом русском оригинальном романе с точки зрения присутствия в нем форм изображения сознания позволяет сделать следующие выводы. В первом романе Ф. Эмина прослеживаются эффекты глобального конфликта, стимулировавшего развитие русской литературы XVIII в. Имеется в виду конфликт между риторической установкой на произнесение, значимо определявшей не только формальные, но и содержательные компоненты художественного высказывания, и романной установкой на принципиально иной тип общения между автором и читателем. В прозе Эмина это конфликт получил своеобразное отражение во «внутренних» монологах, иными словами – в репликах, принципиально не подразумевающих реального адресата. Такие реплики не содержат, как правило, ни значимой для развития действия информации, «скрываемой» говорящим от других персонажей, ни объяснения мотивов тех или иных поступков персонажа, эмоционально восполняющего внешние причины этих поступков. С нашей точки зрения, основная функция таких реплик – неосознанное «сопротивление» автора романного высказывания риторической установке на подразумеваемое произнесение. Выбор в качестве адресата такого высказывания «потустороннего» персонажа – Нептуна, Неба, рук любимого человека, персонифицированного чувства, наконец, самого себя – как бы минимизирует возможности собственно риторической реализации той или иной сюжетной ситуации. Представляется, что дальнейшее изучение повествовательной техники мнимой адресации может расширить существующие представления о генезисе таких развитых форм изображения сознания, как несобственно-прямая речь, внутренний монолог и «поток сознания».

Библиографические ссылки

1. Автухович Г. А. Риторика и русский роман XVIII века / Г. А. Автухович. – Минск : БГУ, 1995. – 231 с.
2. Антология сюрреализма. 20-е годы. – Москва: ГИТИС, 1994. – 390 с.
3. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. – М. : Росмэн, 2006. – 457 с.
4. Шмид В. Нарратология / В. Шмид– М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Щирова И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. / Гончарова Е. А., Щирова И. А. – СПб, 2007. – 342 с.
6. Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда : [Роман] / Федор Эмин. – СПб., 1763.

Надійшла до редколегії 02.05.12

УДК 821.161.1–4.09

Э. Г. Шестакова

г. Донецк

ОПАСНЫЙ ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензия на монографию Е. А. Гусевой «Очерк среди жанров художественной литературы и журналистики» (Днепропетровск: Изд-во ДНУ, 2011. – 248 с.)

Когда-то известный чешско-австрийский писатель, публицист, журналист, участник гражданской войны в Испании и активный деятель антифашистской

эмиграции Эгон Киш назвал очерк опасным жанром литературы. Его современник Михаил Ефимович Кольцов – знаковый советский журналист, публицист, прозаик, общественный деятель с трагической судьбой, вплотную спаянной и предопределенной судьбой его эпохи, – будет настаивать на особом, дидактическом, характере очерка, который собственно и должен заставить читателя самостоятельно мыслить, рассуждать, чувствовать, действовать. Сила очерка – это сила и смелость приближения и проникновения вглубь социальной жизни, во всей её полноте, масштабности и непредсказуемости, это сила увлеченного и воплощенного в словесно-позиции мига, из которого и образуется современность. Очерк долгое время воспринимался не только как одна из форм представления материала, но, а может быть, и прежде всего как своеобразная и сильная в своей основе возможность встречи человека с миром на территории невыдуманной действительности, целено проявленной в единственно возможном здесь-и-сейчас слове.

Очерк, изначально балансирующий на тонкой грани художественной литературы и журналистики, лиричности и аналитики, свободно выраженного личностного начала и неукоснительно соблюдаемой достоверности, фактажности, вольности ощущений и строгости интеллектуальных наблюдений, умения обобщений и точности детали, нюанса, смелости заявлений и твердости морально-этических убеждений, был пограничным жанром мировой словесности. Он всегда активизировался в моменты общественных сдвигов, сломов, был тонким и чутким показателем социально-культурных умонастроений и интересов, ориентаций человека в современности и повседневности. При этом очерк всегда умел найти и зафиксировать сугубо и неустранимо человеческое, точнее гуманистическое, видение проблемы, будь-то глобальные политические, идеологические катаклизмы или же войны, революции, или же «открытие» другой культуры, или даже очередная встреча с хорошо известным и давно окружающим тебя миром. Однако постепенно очерк перестал быть одним из ведущих жанров словесности, определенных и определяющих ценностные ориентации социальной культуры, по крайней мере, нашего геополитического пространства. На рубеже наших столетий он перестал быть интеллектуально, морально и эмоционально востребованным явлением современности и повседневности, к сожалению, даже интеллигенции. Маргинализация очерка – это, если перефразировать культового философа Ж. Бодрийера, не явный симптом, но непременно странный знак упадка, когда что-то значимое от нас ускользает, и мы обреченно скрываемся в невозвратности. Но нужны ли эти утраты? Не теряем ли мы вместе, казалось бы, всего лишь с жанром нечто большее, нежели одну из литературных форм репрезентации материала? Простая ли это, естественная и даже витально необходимая для любой словесности, погруженной в социум, обусловленной им, смена жанровых приоритетов? Или же это очередное и трагическое проявление гибели культуры гуманизма и личности как неизменного её условия?

В такой культурно-духовной ситуации очерк оказывается не только опасным жанром литературы, но и не менее опасным, провокационным и маргинальным жанром для литературоведческого исследования. Однако это вовсе не означает, что очерк не должен и не может быть исследован в новых (идеологических, методологических, наконец-то, культурных) условиях существования науки о

литературе в начале второго десятилетия XXI в. Как это и не предполагает своеобразного забвения истории становления и развития очерка, как того, что, казалось бы, давно и хорошо известно, что не составляет проблемы как таковой. Именно сейчас, в период угасания очерка и очерковости как определенного ценностного способа концепирования современности в слове-позиции, проблема как раз обнаруживается и обнажается в своей специфичности. Сделать очерк самостоятельным предметом исследования, да еще и на объемном словесном материале (художественная литература и журналистика), и на длительном временном промежутке (от праочерковых жанровых форм до очерков первого десятилетия XXI ст.) – это тоже во многом серьезный, ответственный и тяжелый выбор для литературоведа. И то, что Елена Александровна Гусева сделала этот выбор, свидетельствует не только о её чуткости к потребностям литературоведения, но и общих культурно-духовных запросов нашего времени.

Монография Е. А. Гусевой – это попытка рассмотреть «очерк, неканонический жанр относительно позднего происхождения, его возникновение, становление и историческое развитие» на материале русской словесности, о чем она заявляет с первых строк Введения. Естественно, что это не только масштабная, но и объемная, поливекторная задача, которая предполагает четко, последовательно, сообразуясь одновременно и с внутренней жизнью жанра, и с вписанностью очерка в социокультурную действительность и современность, обозначить и проанализировать общую картину мира очерка, определить его константные и переменные значения, предопределенные общей родовой и национальной особенностями. При этом Е. А. Гусева усложнила задачу явной разнородностью исследуемого материала. Она преднамеренно взяла для рассмотрения не только тексты художественной литературы или очерки, принадлежащие сугубо писательской журналистике, публицистике, что было бы более чем достаточно, учитывая национально-культурную и национально-идеологическую специфику русской словесности и статуса её писателя. Е. А. Гусева для создания полноты, системности развития очерка привлекла к изучению и сугубо журналистский материал. В конечном итоге это продемонстрировало интересную и довольно-таки своеобразную общую картину жизни очерка в русской словесности, полученную в ходе научной работы, осуществленной в условиях *проблемной ситуации* (Ю. Степанов). Так, в книге одновременно произошла интересная встреча известных русских писателей с добротнo исследованным наследием (Никитин, Радищев, Лермонтов, Кюхельбекер, Бестужев-Марлинский, Писемский, Гончаров, Гиляровский, Салтыков-Щедрин, Успенский, Короленко, Гарин-Михайловский, Чехов, Бунин, Куприн) и журналистов, известность которых пришлась только на их современность (Михневич, Бахтиаров, Животов, Федин, Гранин, Михайлов, Овечкин), и тех, кто определяет культурные настроения нашей современности и еще совершенно неизвестно, переступят ли её пределы (Вайль, Стогов, Акунин, Найман). В результате такого взаимодополнения материала вполне традиционные литературоведческие темы, например, разнообразие тематики очерков в русской литературе XIX века, физиологический очерк, очерковая проза 40-х – 70-х годов XIX века, жанр нравоописательного очерка, проблемный очерк, путевой очерк, получили дополнительный существенный ракурс рассмотрения. Именно он

позволил одновременно продемонстрировать и значимость обращения к уже исследованному очерковому наследию (особенно писателей «первого ряда»), и важность его рассмотрения в широком и семантически, функционально объемном контексте очерков собственно газетно-журнальных.

Хочу именно на этом методологическом моменте особо заострить внимание. При кажущейся на первый взгляд традиционности подбора и выстраивания историко-литературного материала в монографии Е. А. Гусевой в ней имплицитно совершен важный для современного литературоведения поворот к незаслуженно забытым идеям Л. В. Пумпянского, который еще в первой трети XX ст. обусловил ряд методологически определяющих историко-литературных задач. В частности, в историко-литературном очерке «Отцы и дети» Пумпянский, анализируя роман Тургенева, акцентирует внимание и на контексте «расцвета русской повествовательной прозы» (Гончаров, Лесков, Л. Толстой, Достоевский, Некрасов, Фет), без которого немислимо понимание произведения как такового, и делает еще одно крайне важное замечание. «Но, конечно, только большой труд, написанный с привлечением всего материала, т.е. не только знаменитых статей и романов, но дневников, переписки, рядовой беллетристики, газет и пр., написанный, одним словом, так, как того требует современный уровень исторической методики, мог бы раскрыть все глубокое значение <...> всей русской литературы второй половины XIX века» [1, с. 405]. Хотя со времени написания этого очерка Пумпянского и прошло почти 90 лет историческая методика, к сожалению, крайне редко прибегает к привлечению такого объемного и разнофактурного материала.

Наиболее рельефно эта идея Пумпянского воплощается в монографии в разделе «Жанр нравоописательного очерка». Так, Е. А. Гусева «столкнула» в одном проблемном поле очерки в раннем творчестве Чехова, очерки Гиляровского (оба имени, естественно, хорошо известны читателю) и очерки Михневича, Бахтиарова, Животова (все три имени, к сожалению, мало что говорят современному читателю). Однако для русской культурной публики конца XIX – начала XX века все эти имена были не просто хорошо известны, но и ассоциировались с качественной и авторитетной публицистикой. В. Михневич, родившийся в Украине и получивший образование в лучших украинских учебных заведениях, – известный русский журналист, публицист, писатель, историк быта, краевед. Его литературное наследие начнут уже в начале нашего века активно переиздавать в России как то, без чего действительно представляется немислимой картина литературно-общественной жизни. Равно это касается и творчества А. Бахтиарова и Н. Животова, имена и наследия которых сейчас начинают снова активно входить в пространство чтения. И если для российского образованного читателя они уже не представляются совершенно «белым пятном» на территории словесно-культурного развития, то для читателя Украины дело обстоит несколько иначе. При всей развитости интернета и представленности в нем этих интересных и значимых для историко-литературного и общественно-литературного российского процесса имен все же не стоит забывать, что в Сети необходимо, в первую очередь, четко знать, что и как спрашивать. И заслуга исследования Е. А. Гусевой состоит в том, что она сумела привлечь, как бы сказал Пумпянский, такой литературный материал и фон, которые отвечают потребностям и запросам современного уровня исторической методики,

представляют словесно-культурный процесс в его объемности, разнородности, даже пестроте, без которых он собственно и не мыслим как живое, развивающееся явление. Однако если словесно-культурный материал XIX ст. в монографии дан наиболее репрезентативно и последовательно, то очерковая жизнь XX век на этом фоне представляется всего лишь пунктирно обозначенной. Особенно это касается очерков периода Великой Отечественной войны и 60–80-х гг., когда в СССР наблюдался рассвет «толстых» журналов и очерковой журналистики. Например, знаменитый еще с середины XIX ст. журнал «Вокруг света» представляет интересное с точки зрения качественной публицистики развитие жанрово-тематического диапазона очерка. «Крестьянка», «Работница» – это журналы, которые тоже отражали специфический проблемно-тематический и стилистический набор очерков. Хотя вполне понятно, что это замечание носит перспективно-исследовательский характер и предполагает последовательную и систематическую работу целого коллектива. Сейчас же важно другое. Е. А. Гусева взялась за «опасный жанр литературы» и вполне достойно показала основные историко-методологические пути его рассмотрения.

Библиографические ссылки

1. Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Л. В. Пумпянский. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 864 с.

Надійшла до редколегії 30.04.12